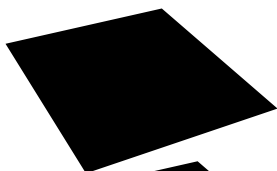

ПРОЗА ВИКТОРА
ПЕЛЕВИНА

ВИКТОР
ЛЮБОВЬ К ТРЕМ
ЦУКЕРБРИНАМ
ПЕЛЕВИН

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П24

Оформление серии «Pocket book» *Андрея Саукова*
Иллюстрация на обложке *Алексея Бровко*
Оформление серии «Проза Виктора Пелевина»
Сергея Власова

Пелевин, Виктор Олегович.
П24 Любовь к трем цукербринам : [роман] / Виктор Пелевин. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с.

ISBN 978-5-699-96094-1 (Pocket book)

ISBN 978-5-699-96090-3 (Проза Виктора Пелевина)

О головокружительной, завораживающей и роковой страсти к трем цукербринам.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© В. О. Пелевин, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

The universe is made of stories, not atoms.

*Muriel Rukeyser*¹

ОБЪЯСНЕНИЯ И ОПРАВДАНИЯ

Эта странная книга содержит три повести (одна непропорционально длинная) — и объяснительный текст, соединяющий их в целое. Связующий материал (я назвал его «Киклоп») можно рассматривать в качестве дополнительного рассказа, полностью документального — хотя я признаю, что в таком качестве он никуда не годится: в нем есть длинное и подробное вступление, есть заключение, но почти отсутствует повествовательная часть, вместо которой читателя ждет несколько страниц моих шатких рассуждений, отдающих научпопом.

Я хочу попросить прощения за эти недостатки — но книга и не могла получиться иной. Говорить о работе Киклопа подробно я не стал по причинам, которые будут вполне ясны. С другой стороны, совсем не упомянуть о Киклопе я не мог тоже — иначе три моих повести потеряли бы всякую связь друг с другом: было бы непонятно, что у них общего, кем они написаны и откуда вообще взялись.

Поэтому прошу иметь в виду: моя цель — рассказать не столько о Киклопе, сколько о том, что

¹ Вселенная состоит из историй, не из атомов.

Мюриэль Рукэйзер, американская поэтесса

Киклоп увидел и понял на своем посту. Ибо многое из этого кажется мне заслуживающим внимания.

В своей книге я иногда пользуюсь научной терминологией. Хочу подчеркнуть, что я не физик и вообще не имею никаких технических познаний. Я просто пытаюсь объяснить наблюдаемую реальность в терминах, которые у всех на слуху, чтобы не придумывать слишком много неологизмов. Физик, возможно, найдет в моем рассказе нестыковки и противоречия. В таком случае предлагаю ему придумать объяснение лучше моего — и сохранить его себе на память.

Физическая сторона вопроса на самом деле не особо для меня важна. Но она довольно интересна. Во времена Галилея и Коперника полагалось во вступлении делать реверанс в сторону церковной догмы и соотносить с ней все гипотезы и предположения, а сегодня мы должны точно так же кланяться догме научной. И если я говорю иногда про «мультиверс» и «многомерность», я делаю это примерно с теми же чувствами, с которыми Галилео мог бы упоминать в своей книге пророка Исаяю и Ангелов Божьих: с робкой верой, что Святое Писание понято мной, грешным колдуном, хоть отчасти правильно.

В книге почти нет связи с актуальной действительностью. Думаю, что в наше время это скорее достоинство, чем наоборот.

Засим почтительно возлагаю к стопам Читателя и Читательницы свой скромный труд.

Часть 1. КИКЛОП

ГОЛЕМ ИЛЕЛЕЕМ

В начале следует описать ту точку, где сходятся все эти истории — или, может быть, откуда они расходятся.

Наверно, скорее расходятся — потому что только с учетом этого центрального события делаются понятными все изгибы прослеженных мною судеб.

Это было похоже на вспышку магния, которая запечатлела героев в случайных позах — и послала в будущее их фотографические отпечатки. Я говорю «магния», поскольку огонь и дым были настоящими. Айфон такой вспышки не даст даже по команде из АНБ. Хотя, конечно, как знать — я где-то читал, что американские смартфоны могут не только подслушивать, подсматривать и поднюхивать, но и детонировать по сигналу из центра, пробивая ушную раковину и мозг направленным взрывом аккумулятора. Наверно, конспирологический юмор.

Но по порядку.

Я знал, что не останусь Киклопом вечно. Это опасная нервная работа, которую выполняют обычно не больше года или двух. Потом Птицы нащупывают в ткани нашего мира мешающий

им узел с достаточной точностью, чтобы удалить его — если надо, вместе с самой тканью. Они больше не используют в качестве оружия случайно оказавшихся рядом людей. Так они ведут себя, когда действуют вслепую, и Киклоп случайно появляется в поле их внимания на несколько секунд. Если они твердо знают, где искать своего врага, они поступают иначе.

Как, я сейчас расскажу.

Точно подо мною располагалось рабочее место Кеши — молодого человека, различным состояниям и формам которого будет посвящена значительная часть этой книги. Можно сказать, что в то время он был самым близким мне существом — во всяком случае, в пространственном смысле.

Иногда я позволял себе нескромное, наверно, развлечение — настраивался на его ум и начинал наблюдать за происходящим в окружающем пространстве через его глаза — и даже сквозь призму его сознания. Я воспринимал не только то, что он видел, но и голоса, раздававшиеся в его уме (не буду называть их мыслями — поскольку половины из них он не слышал сам, а другой половине подчинялся без размышления).

Иногда это бывало интересно, иногда — очень. Если он, например, включал своих японских школьниц (такое случалось, когда в офисе оставалось мало народу и Кеша был уверен, что никто не подойдет к нему со спины), его внутреннее пространство заполнялось грубоватым комментарием, похожим на футбольный. Кеша, за-

служенный работник bondage/bukkake на пенсии, как бы разъяснял происходящее несмышленным профанам, которые смотрели порнушку вместе с ним. Таким профаном в эти минуты был один я — но Кеша в своем воображении транслировал сигнал на куда большую аудиторию. Все-таки поразительно, до какой степени человек общественное существо.

Когда людей в офисе собиралось слишком много, чтобы можно было смотреть порно или играть с компьютером в игры, Кеша начинал троллить зазевавшихся граждан в Интернете — словно ас Второй мировой, вылетевший на свободную охоту. Картинка на экране делалась на это время совершенно пристойной и функциональной: любой медийный работник сегодня полдня ныряет по блогосфере.

Иногда Кеша отвлекался от компьютера, глядел на своих соратников по офису — и выносил им приговор судьбы.

Наименее жесток он был к девушке Наде, занимавшейся буфетом и озеленением пространства — «если пострижется нормально и перестанет бояться людей, то найдет себе какого-нибудь азербота». Других он судил строже. Главного редактора сайта «Contra.ru» (так называлось место, где он работал) он окрестил про себя «шабесгеем» (что не мешало Кеше ежедневно перед ним заискивать — но жизнь, как известно, есть клоунада). При этом Кеша искренне считал, что влечение к виртуальным японским школьницам является нормой, а главный редактор — перверт.

Соответственно, информационный продукт родного сайта Кеша называл про себя словом «шабесгон» (даже бормотал во время дедлайнов мечтательную мантру-стишок «мой шабесгон, мой шабесгон — как много дум наводит он»). Коллег по работе он делил на «вонючек» и «усталых» (первые с годами превращались в последних, отвоняв свое — примерно как выгорающие звезды).

Ну и так далее. Кеша на самом деле не был ни гомофобом, ни антисемитом, ни снобом. Просто ассемблер чужой души при близком рассмотрении редко выглядит привлекательно. Но мы еще вернемся к Кеше — сейчас я рассказываю об этом, чтобы было понятно, чем я занимался внутри его головы в тот день, когда произошло роковое событие. Я отдыхал в ней, как в персональном кинозале — в этот день крутили довольно интересное кино.

В редакцию «Контры» пришел входящий в моду поэт Гугин, бочкообразный лысый мужчина с треугольной рыжей бородой («бегемот апокалипсиса», как он сам себя называл — но темно-багровый цвет его лица наводил скорее на мысль об апоплексии). С ним делали большое интервью.

Было две телекамеры и три прогрессивных журналиста, пришедших для съемок круглого стола — их рассадили полукругом перед большим белым щитом с надписями «Contra.ru», и Гугин, стоя в фокусе этого живого прожектора, читал стихи («стиши», как он говорил) из своего нового проекта «Голем Илелеем».

Это была амбициозная попытка отразить в стихах все наиболее яркие события недавнего прошлого: составить, как изящно выразилась одна из трех журналистов, «Гугл Мэп Эпохи». Когда Гугин утомлялся, начинал говорить кто-нибудь из журналистов, и камеры поворачивались на него. Потом неиссякаемый Гугин снова начинал декламировать.

Отрывок, который он читал перед вспышкой, назывался «Героям — Пазолини!» и был посвящен, как легко догадаться, известным событиям в Киеве, уже успевшим к этому времени несколько потускнеть в народной памяти:

Под холодным ветром, полным праха,
согнулся мерзлый тартарас,
И беркут наш встал черепахой
В последний раз, в последний раз...

Отчетливо помню эту секунду — и мгновенный срез всех создававших ее умов.

Гугин, читая, соображает, не обидится ли редактор на «тартараса», приняв его за замаскированного «пидараса» — и быстро отмечает во внутреннем блокноте, что надо конкретизировать это как обличительную сатиру на хаос в сознании боевика, увлекаемого в тартары духа Тарасом на щите. Стиш, короче, надо доводить.

Первый журналист, кисло оскаленный блондин с волосами до плеч, размышляет о том, можно ли классифицировать Гугина как полноценного либерала — и сомневается: не все маркеры в стихах расставлены нужным образом, и кажется, что

это сделано вполне сознательно. Хотите войны? Таки война вам будет!

Второй журналист, одутловатый одуванчик, уже наполовину выбритый ветром перемен, думает длинную и сложную мысль: Гугина можно назвать одним из множества современных куплетистов, занимающихся культуррейдерством. Он, в сущности, читает не свои стихи, а чужие, с перебитыми номерами, перекрашенные в нужный цвет — которые он просто перепродает через юридический механизм пародии. Какая-то дура, польстившись, видимо, на слово «голем», назвала новый проект Гугина «русской либеральной идеей, отлитой в гранате» — и, похоже, сама не поняла, что сказала. А попала в точку. На приватизации и перепродаже можно заработать — но можно заработать и на самом Гугине. Например, сделать на эту тему статью под названием «Всюду Шпенглер».

Третий журналист, дама, вспоминает о тех самых словах про отлитую в гранате либеральную идею, так некстати сказанных ею на фоне «тартараса» и вообще поклепа на революцию. Гугин не оправдал аванса. Ничего, выпишем инвойс...

Девушка по имени Надя в нескольких метрах от импровизированной сцены протирает горшок с чахлым ростком пальмы (в горшке стоят две крохотные красные лошадки из пластмассы) и не думает ни о чем — просто смотрит на эту пальму и лошадок. Почему-то земля кажется ей сегодня особенно черной.

За остальными умами в офисе «Контры» я не слежу.

Кеша слушает хриловатый бас Гугина. На душе у него скверно, как и всю последнюю неделю: очень плохие служебные перспективы. Он замечает тень какого-то движения у себя за спиной, оборачивается и видит незнакомого человека, идущего по проходу между столами.

Человек глядит Кеше прямо в глаза. У него небритое лицо горного пассионария, он грязен, за плечами у него рюкзак. Под его распахнутой курткой видна майка с пучеглазой белой овечкой, весело жующей стебли конопли. Его глаза стеклянно блестят: он то ли на наркотике, то ли в трансе. Его губы дрожат — или быстро шепчут.

Кеша понимает, что незнакомец идет именно к нему — но не знает зачем (а я это уже знаю: человек с рюкзаком уверен, что идет ко мне, поскольку наводится на мое внимание, направленное на него из Кешиных глаз). Кеша успевает встать и выставляет перед собой руки. Человек как бы падает в Кешины объятия — и прижимает его к себе изо всех сил, словно встретив наконец любимое существо, которое искал перед этим всю жизнь. Кеша успевает почувствовать нелепый эротизм момента. Сжавший его человек тоже, видимо, ощущает нечто подобное — и шепчет:

— Меня зовут Бату... Аллаху акбар.

Затем происходит страшной силы взрыв. Лампочки всех собравшихся в комнате умов сразу гаснут.

Я прихожу в себя. Я лежу на полу — сила взрыва была такой, что меня сбросило с моего стула этажом выше. Проходит секунда или две, и я понимаю, что больше никогда не буду Киклопом.

А теперь я объясню, как я им стал — и что это слово значит.

КОРОБКА № 1

Я не собираюсь рассказывать о себе слишком много. Мое настоящее имя должно быть скрыто — такова древняя традиция, и я не хочу ее нарушать. Но это и не понадобится: называя себя последней буквой алфавита, я проявлю смирение, которого мне не всегда хватало в прошлом.

Все началось с того, что умер один из моих дальних родственников — и оставил мне однокомнатную квартиру в Москве недалеко от Садового кольца. Это сильно упростило мою жизнь: я переехал туда из съемного жилья. Теперь я мог работать меньше, и у меня появилась уйма свободного времени. Я занимал его в основном прогулками, чтением и спортом. Со временем я собирался стать «писателем» — это означало, что, зря растрачивая молодость, я уверял себя, будто накапливаю необходимый жизненный опыт.

В квартире был сделан приличный ремонт, поэтому я ограничился тем, что вывез все оставшиеся от покойного вещи, заменив их своими пожитками. Я оставил только один из доставшихся мне по наследству объектов — большой фанерный

ящик, полный старых книг и желтых ксерокопий. Сохранил я его главным образом потому, что мне понравилась украшавшая его надпись масляной краской:

КОРОБКА № 1

Мой покойный родственник, что-то среднее между дядей и дедушкой, был одним из позднесоветских «внутренних эмигрантов». Он всю жизнь собирал характерную для этой среды литературу, главным образом так называемую «эзотерику» — и хранил ее в задвинутом под кровать ящике, чтобы она не попадалась на глаза редким гостям. В советское время каждый сторож свято верил, что за ним следят — и был, возможно, прав.

Не могу сказать, что во мне проснулся внезапный интерес к тайному знанию времен московской Олимпиады. Но отчего-то мне показалось неразумным выкинуть доставшиеся по наследству облигации и ваучеры духа, даже не попытавшись их обналечить.

В коробке были фантастические романы, которые обитатели советских катакомб принимали за послания свыше. Были послания свыше, замаскированные под фантастические романы. Были древнеегипетские тексты, сочинения Шмакова и Блаватской — и прочий археологический материал. Там же нашлось несколько книг индийских учителей в английском оригинале.

Странный информационный коктейль, вылившийся на меня из этого фанерного ковчега, на-